

***ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ТЕОЛОГИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
(ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)***

Альманах «Церковь. Религия. Общество» является международным научно-издательским проектом, в котором принимают участие исследователи религии из России, Германии, Финляндии, Америки и других государств. Поскольку редакция альманаха находится в Санкт-Петербурге, и основным рабочим языком является русский, то проблематика, отражаемая в этом издании, во многих случаях так или иначе связана с российским контекстом: это касается как постановки исследовательских проблем, так и интереса к тем социальным и культурным тенденциям, которые влияют на восприятие религии и теологии обществом. Разумеется, эта тенденция ни в коем случае не является правилом, и наш альманах, издаваемый в России, является (или по крайней мере стремится к тому, чтобы стать) международным. Упомянутая тенденция тоже по большому счету не может быть «приватизирована» лишь Россией.

За прошедший с момента выхода предыдущего номера альманаха год в социорелигиозном дискурсе России произошли серьезные изменения, или — правильнее сказать — подвижки в деле становления теологии в качестве научной специальности, по которой возможно присвоение ученых степеней кандидата наук и доктора наук с выдачей дипломов государственного образца. Это весьма созвучно с тем, как редколлегия формулировала свои задачи при подготовке предшествовавших выпусков. Так, в 2014 г. мы писали: «Теология в современном научном дискурсе не может не опираться на данные истории, философии, филологии и других наук, а с другой — игнорирование теологических

методов существенно обедняет возможности научного изучения религии. Поэтому важной задачей современного религиоведения (если под последним понимать комплексное научное изучение религии) является последовательная интеграция теологической методологии в арсенал научного изучения явлений и процессов религиозной жизни».

Будучи частью европейского культурного пространства, справедливо соотнося себя с европейской христианской культурой (при учете факторов культурного, национального религиозно-конфессионального многообразия), российская религиозная ситуация во многом определяется действием глобальных процессов — секуляризацией, возникновением различных нетрадиционных форм религиозности, размытием конфессиональных границ, восприятием религиозной традиции как преимущественно национально-культурной, при фактическом неверии в основные догматы. Так, появление «православных атеистов», фиксируемое социологами, вполне подтверждает сказанное. Подобные процессы давно уже наблюдаются и в Европе.

Однако специфика восприятия обществом религиозных институтов не может формироваться исключительно под влиянием глобальных тенденций. На нее влияет и историческое прошлое, история взаимодействия Церкви и государства, которое именно в России в XX в. складывалось наиболее трагично.

Несмотря на наметившиеся подвижки в столь затянувшейся научной институционализации теологии в нашем обществе, необходимо смириться с тем, что процесс этот неизбежно является длительным, а значит и основная задача альманаха — способствовать становлению научной теологии, интеграции теологических методов в арсенал научного изучения религии, преодолению иррациональных фобий и исцелению травматических последствий т. н. научного атеизма — сохраняет свою актуальность. И здесь иностранный опыт научного изучения религии, совмещающего на равных теологический и философский, теологический и исторический, теологический и герменевтический подходы, а иногда

и формирующий сложные, полидисциплинарные подходы к изучению религии, оказывается весьма и весьма актуальным.

В условиях затянувшегося методологического кризиса отечественного религиоведения, использование в религиоведении инструментов теологического исследования, соответствующее обогащение научного инструментария и расширение исследовательского горизонта можно только приветствовать. Страх религиоведов перед теологией не только иррационален, но и вреден. Существенно большую угрозу, нежели прочимая «клерикализация», представляет низкий уровень многих религиоведческих исследований, подмена изучения описанием, аналитики — публицистикой.

Интересно, что и в среде религиозных деятелей существует широкая палитра мнений по поводу того, каким должно быть современное теологическое образование, а значит и теология. И здесь явления гносеофобии, страха перед наукой и образованностью, еще гнездятся, правда, большей части не в магистральных, но маргинальных областях религиозного дискурса.

Вызывают оптимизм позиция по этим вопросам священноначалия Русской Православной Церкви — самой многочисленной христианской конфессии России, чьи традиции оказывают сильнейшее влияние и на другие конфессиональные группы.

Незадолго до революции митрополит Антоний Храповицкий ратовал за серьезное изучение в духовных академиях философии. Он считал, что «много в академии учености и философии, но не с избытком, а даже, наоборот, с недочетом. Этот недочет чувствуют именно те питомцы ее, которые вступают на поприще благовестников евангельского учения в нашем маловерующем обществе... Современный пастырь должен быть хозяином в воззрениях века на все стороны бытия и жизни, должен ясно осознавать их согласие или несогласие с учением христианским, должен уметь дать оценку всякой философской идее, хотя бы вскользь брошенной в модной повести или журнальной статье, и поэтому

ВЫПУСК IV

не сетуйте, если ему подробно раскрывают системы Кантов и Контов. Верьте, что и это мало для его дальнейшей деятельности, придется снова много перечитывать».

Совсем недавно Патриарх Кирилл, говоря о задачах теологических школ, отметил, что «духовные школы должны быть полностью признаны государством и обществом как современные, конкурентоспособные, развитые, научные, интеллектуальные, гуманитарные центры, которые готовят не просто когорту священников, но академически образованных гуманитариев... Развитие духовного образования, превращение нашего духовенства еще в интеллектуальный класс нашего общества — это священная обязанность всех нас». Развивая мысль его Святейшества, митрополит Иларион Алфеев пишет, что теологическим школам «нужны преподаватели, которые обладали бы образованием более высокого уровня, чем то, которое дает их собственное духовное учебное заведение. Необходимо, следовательно, привлекать к преподаванию в духовных школах светских специалистов, профессоров университетов и других высших учебных заведений». Такой подход к развитию теологической науки и образованию представляется единственно возможным, он открывает возможности не только для успешной институционализации научной теологии, но и для интеграции теологии в систему высшего и послевузовского образования.

Другая тенденция артикулирована лютеранским епископом Церкви Ингрии А. М. Кугаппи: «Призываю каждого из вас искренне помолиться, чтобы Господь дал нам достойного ректора в Теологический институт, достойного именно в своей смиренности. Главное не то, чтобы у него было докторское звание или чтобы он множество книг заумных написал, но, чтобы он был Божьим человеком, который умеет признавать грехи свои, умеет умиляться, для того, чтобы дать возможность исполнению Господнего желания, Божьего провидения, помысла». Но без ориентиров на самые последние научные достижения в области гуманитаристики, теология будет бесполезной для церкви и неинтересной для общества, она сможет удовлетворять только местечковые амбиции и формировать

в духе К. П. Победоносцева «немудреных пастырей наивного стада». В итоге, изучение экзегетики подменяется «чтением Библии», наблюдается понижение общепринятых требований к уровню, как преподавателей, так и администрации, развиваются харизматические тенденции.

Надо сказать, что против этой опасности предупреждали и собственно лютеранские реформаторы — Мартин Лютер, Филипп Меланхтон, Иоганн Бугенхаген и др. Последний вел неустанную полемику с «невежественными ослиными головами», которые не считали нужным для священства получение гуманитарного образования, но лишь — знакомство с текстом Св. Писания (в его переводе) и мистическое вдохновение. Схожие мысли высказывал и представитель католической Церкви — великий Эразм Роттердамский в своих рассуждениях об «Оружии христианского воина». Он пишет: «Чистая молитва ведет чувство на небо, словно в крепость, неприступную для врагов; знание укрепляет ум спасительными помыслами, так что не следует лишаться ни того ни другого: друг за друга держась, всегда и во всем они вместе». Примерно в это же время анонимный русский автор полагал, что невежество хуже греха — грешник покается и получит прощение, а невежда впадет в ересь и погибнет.

Возможно, сегодня, как никогда ранее, иностранный опыт богословских факультетов, с которых, строго говоря, и начинались европейские университеты, востребован в российском контексте. Богословские школы христианского Запада вовсе не исчерпали свой научный и духовный потенциал и могут принести много полезного в деятельность российских теологических школ. Конечно, это не значит, что этот опыт нужно слепо копировать, да это и невозможно — развитие теологического образования в России было и будет продуктом преимущественно отечественной мысли, отечественной интеллектуальной культуры, которая может и должна ориентироваться на самые высокие мировые стандарты.

Мы должны признать, что взаимодействие знания и веры, потребность в качественном образовании, развитие религиозной и гуманитарной науки — исконное устремление

христианской Церкви, которая в своей полноте никогда не считала образованность грехом, а невежество добродетелью. Полагаю, что на этом фундаменте возможно сотрудничество как духовных учебных заведений различных конфессий, так и конфессиональной и светской науки.

Для верующего человека является вполне естественным желанием разобраться как в том, во что именно он верит, так и в том, как ему надлежит жить, согласно этой вере. Оба эти вопроса являются «теологическими» в широком смысле слова. Теология, ставящая актуальные вопросы, обусловленные самой человеческой экзистенцией, подобно приведенным выше, не является научной — она превосходит все горизонты теоретического праксиса. Поэтому каждый, задающий такие вопросы, уже является теологом *par excellence*. Но для ответа на них потребуются специальное знание, обращение к источникам религиозной традиции, культура мысли и слова, иными словами — потребуются научная теология. Требования научной теологии есть требования самой жизни, а вызов ее обращен по-своему к каждому поколению людей.

Александр Михайлович Прилуцкий

д. филос. н., профессор,

РГПУ им. А. И. Герцена (реки Мойки наб., 48, корп. 20 а, Санкт-Петербург, Россия, 191186)

alpril@mail.ru

Aleksandr Michaylovich Prilutskiy

PhD in philosophy, professor,

The Herzen State Pedagogical University of Russia (Moika Embankment, dom 48, korpus 20a, St. Petersburg, Russia, 191186)

alpril@mail.ru